

оригинала и выдержать испытание переводом. Мне кажется, то, как Ильязд решает стилистическую проблему, представляет определенный интерес для тружеников французской прозы, которая, не будучи под угрозой кризиса, охватившего прозу русскую, разделена между эпигонами «художественного» письма, нарочитыми классицистическими пустяками и интроспективным произволом сюрреалистов и довольно далека от способности охватить материю со всей полнотой.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-1-162-170

© И. А. Назаров

ЛИТЕРАТУРНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО: ДЕЛО «БИЛЛЕКТРИСТА» ЯКОВА ГАНЗБУРГА

Восприятие художественной литературы не в рамках контекста искусства, а как источника материальных ценностей (заработка, привилегий и т. д.) в 1920–1930-х годах — тема актуальная и многогранная. Обратив внимание на отечественную периодику указанного периода, можно ознакомиться как с упоминанием внушительных гонораров некоторых литераторов, так и с темой писательской бедности. Например, в январе 1926 года Алексей Толстой в интервью «Вечерней Москве» на вопрос об авторском гонораре за пьесу «Заговор императрицы» ответил, что точную сумму указать не может, но уверен, что «за 10 месяцев им получено гораздо больше, чем получал когда-то Л. Андреев в самые урожайные для себя годы — за все свои пьесы, ставившиеся в течение тех же десяти месяцев!»¹ Начинаящие авторы, не скрывавшие своих материальных интересов, в периодике не только становились предметом высмеивания, но виделись как серьезная проблема советской литературы. Так, в журнале «Читатель и писатель» приводилось интервью с пятнадцатилетним поэтом, пришедшим в Москву пешком из Рязани: «Я <...> служил подмастерьем и получал всего 9 р. 20 к. в месяц, а стихотворение в 28 строк написал в один вечер и получил за него 14 рублей. У меня <...> сложилось убеждение, что если я буду писать хотя бы по 12 строчек в сутки, то и это может дать около 500 руб. в месяц».² Количество новоявленных литераторов (точнее — тех, кто утверждал, что является литератором) росло: в статье «Быть писателем» сообщалось, что на вопрос «чем занимаетесь?» шесть тысяч советских граждан ответили «Я писатель!», а еще восемь тысяч человек оказались поэтами.³ Характерным было и то, что часть начинающих авторов не стремилась постигать литературное ремесло, а занималась литературным мошенничеством — явлением незаконным, но способным принести искомые ценности в более короткие сроки.

В периодической печати 1920–1930-х годов термин «литературное мошенничество» использовался для характеристики целого ряда ситуаций: незаконного издания произведений (нарушение авторского права), случаев литературного воровства (публикации под своим именем чужих произведений), использования сторонне привлекаемых авторов (т. н. литературных «рабов» или «негров»), фактов открытого заимствования и плагиата, фальшивых интервью и ряда других случаев. Пресса осуждала литературных воров: В. Ковалева, опубликовавшего под своей фамилией стихи С. Нежинцева («Тоннель») и Монтевилло («Весеннее»), П. Корюкина — за стихотворения «Стройка» (М. Шефер) и «Мускул» (Б. Борецкая) и других лже-писателей. Отметим, что ситуация возможной кражи у настоящего автора его произведений принимала

¹ [Б. п.]. Алексей Толстой о себе, об «Азефе», «Заговоре», своем гонораре и о новых своих работах // Вечерняя Москва. 1926. 13 янв. № 11. С. 3.

² Новокшионов И. О литературных «ходаках» // Читатель и писатель. 1928. № 7–8. С. 7.

³ Миндлин Эм. Быть писателем // Вечерняя Москва. 1926. 20 фев. № 44. С. 3.

иногда необычную форму — литератор Иван Новокшионов в статье «О литературных „ходоках“» приводил письмо психически больного поэта Вошинина: «Простите, что надоедаю вам, но я никак не могу добиться у наркома Луначарского согласия на выдачу мне гонорара за мои произведения, издаваемые под фамилией А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и И. А. Крылов. Одолжите мне десять рублей, пока я добьюсь получения денег из Госиздата...».⁴ В упомянутом источнике освещалась и другая крайность поведения начинающих авторов — некоторые разочаровавшиеся писатели публично сводили счеты с жизнью: автор статьи сообщал о шести случаях суицида в Доме Герцена в 1926 году (и об одном — в 1927 году).

Упоминания о литературных мошенничествах в периодических изданиях 1920–1930-х годов появлялись в публикациях различного характера: от редакционных статей-размышлений о курсе и состоянии советской литературы⁵ до освещения судебных разбирательств, от сатирических фельетонов до травли того или иного автора — «обвиняемыми» в разное время оказывались как писатели и поэты (О. Э. Мандельштам, В. Г. Шершеневич, М. А. Шолохов), так и просто аферисты. В 1934 году, за несколько месяцев до Первого съезда советских писателей, широкое распространение в отечественной прессе получили две истории, в центре внимания которых оказались литературные мошенники Соломон Оскарович Бройде и Яков Давидович Ганзбург («весовые категории» аферистов были неравны и определялись в печати по соотношению «Бройде — десять Ганзбургов»)⁶. В данной статье мы изложим некоторые подробности биографии малоизвестного писателя Я. Д. Ганзбурга, а также сведения о литературном скандале, в котором он был замешан.

В письме к М. Горькому от 15 июня 1929 года⁷ Ганзбург привел несколько сведений из своей биографии: он родился в 1897 году в селе Макошино (Черниговская губерния), во время Гражданской войны был на хозяйственных и строительных работах, в начале 1920-х годов увлекся литературой и редакторским делом. Персона Ганзбурга упоминается в справочнике псевдонимов И. Ф. Масанова, где приводится краткая характеристика деятельности (журналист, редактор, писатель и драматург), указаны используемые псевдонимы («Яков Черномор», «Я. Черномор», «Яков Запорожец») и различные публикации («Кусты и зайцы», «Весна», «Весенняя бль»)⁸. В рукописной энциклопедии художественной литературы и искусств А. М. Фемелиди на 1931 год приводятся сведения лишь о романе «Кусты и зайцы».⁹ Размещенные на страницах книг Ганзбурга посвящения, а также его переписка с редакциями и другие документы позволяют сделать вывод о том, что у писателя была сестра Софья, а также супруга Мария Ивановна Юдина-Ганзбург. Отметим, что биография Ганзбурга изобилует непроясненными эпизодами и является перспективной темой для отдельного научного разыскания. Часто материалом для исследования жизни и творчества малоизвестного писателя служат задокументированные пересечения с более известными литераторами, и ниже мы обратим внимание на некоторые из них.

В начале 1920-х годов Ганзбург был редактором владимирского литературного сборника «Рассвет», где публиковались авторы, представлявшие собой различные художественные направления: от В. Я. Брюсова и А. И. Безыменского до «Рабочего Дмитрия» и других малоизвестных литераторов (а также коллективные произведения). К некоторым публикациям упомянутого издания возможно дополнить комментарий: так, в феврале 1921 года Ганзбург отправил письмо в ЛИТО московско-

⁴ Новокшионов И. О литературных «ходоках» // Читатель и писатель. 1928. № 7–8. С. 7.

⁵ Тема мошенничества в области искусства распространялась не только на литературу, но и на музыку, а также кинематограф. Например, в редакционной статье «Маска Чаплина» (Вечерняя Москва. 1925. 3 авг. № 194) обнаруживаются сообщения о мошенниках в области зарубежного искусства, в частности аферисте Чарли Аплине, выдававшем себя за Чарли Чаплина.

⁶ Замойский П. Накануне суда // Вечерняя Москва. 1934. 15 мая. № 110.

⁷ ИМЛИ. Архив А. М. Горького. КГ-П. № 19-2-1. Л. 1.

⁸ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 121.

⁹ РГАЛИ. Ф. 626. Оп. 1. № 7. Л. 182.

го Главполитпросвета — лично Брюсову.¹⁰ Редактор «Рассвета» просил известного писателя прислать какой-либо материал для литературного сборника (упомянем и то, что автор письма подчеркивал тяжесть своего положения и в целом литературной работы в городе Ковров).¹¹ В ответ на просьбу, как мы полагаем, Брюсов отправил стихотворение «Апрель», опубликованное в 5-й книге сборника.¹²

Материалом для исследования биографии Ганзбурга является его переписка с писателем А. С. Неверовым, а также различные очерки, посвященные им памяти автора повести «Ташкент — город хлебный».¹³ Начинаяший литератор упоминал, что присутствовал в Москве в октябре 1920 года на Первом Всероссийском съезде пролетарских писателей, куда вместе с драматургом Е. Н. Локтевым был делегирован от владимирского «губнароба». В указанное время они познакомились с Неверовым в квартире у А. С. Серафимовича.¹⁴ «Квартирный вопрос» был сложно разрешим для начинающих авторов — в одной из редакций воспоминаний Ганзбурга приводилась примечательная история о том, как вместе с Неверовым и Локтевым они пытались воплотить в жизнь мечту о писательской коммуне: «У меня созрела мысль, которую я стал осуществлять — создать коммуну в одной из загородных дач Москвы. <...> Пришлось отремонтировать двухэтажную дачу. <...> Нашей мысли — жизни в „даче писателей“ не суждено было сбыться: назначенная нам плата оказалась для нас высокой, и мы бросили эту мысль».¹⁵ Впоследствии, в 1922 году, писатели продолжали видеться в Москве — у Локтева и другого литератора — П. Ярового.¹⁶

После съезда пролетарских писателей, вспоминал автор очерка, Неверов часто отправлял в журнал «Рассвет» свои произведения, однако начало переписки между литераторами носило конфликтный характер. Неверов был возмущен тем, что редактор сменил название его рассказа «Стишок» на «В тисках» — самарский писатель поспешил указать Ганзбургу, что такое поведение непозволительно по отношению к «старому литератору», известному со времен В. Г. Короленко. В начале 1920-х годов, во время голода в Поволжье, Ганзбург обратился к Неверову с предложением совместной работы над журналом «Ковров» — Ганзбург сетовал на то, что вокруг него не было никаких литературных сил и опытных литераторов, знавших тонкости издательской деятельности. Ганзбург достаточно высоко оценивал свой вклад в развитие литературного дела: «...вся организация и возглавляющая работа по собиранию и организации всех творческих сил Владимирской губернии лежала исключительно на мне. Мне приходилось вести и собиранием литературного материала, и изданием, и редактированием».¹⁷

В марте 1922 года редактор «Рассвета» просил Неверова прислать художественное произведение на тему голода — адресат признавался, что все, написанное на эту тему, успел отдать в другие издания. (Однако следующее письмо содержало информацию о том, что самарский литератор отправил в «Рассвет» некое произведение «Ужасы

¹⁰ РГБ. Ф. 386. Оп. 82. № 9. Л. 1.

¹¹ Обратный адрес, указанный в письме: «г. Ковров, ул. Георгиевская, д. 21». Отметим и то, что не все номера «Рассвета» были изданы в Коврове. № 6 сборника за 1921 год был опубликован в городе Вязники — под редакцией Ганзбурга в издательстве «Коллектив писателей „Новым путем“».

¹² Рассвет: Литературный сб. [Ковров], 1921. Кн. 5. С. 5.

¹³ Ганзбург Я. Воспоминания об А. С. Неверове // Львов-Рогачевский В. Л. Книга для чтения по истории новейшей русской литературы. Рабоче-крестьянское творчество за 30 лет. Л., 1925. С. 204–205.

¹⁴ В дневниках Неверова (Александр Неверов. Из архива писателя. Исследования. Воспоминания. Куйбышев, 1972) сохранились воспоминания об А. Серафимовиче, Г. Чулкове, А. Новикове-Прибое, но не о Ганзбурге.

¹⁵ Черномор Я. [Ганзбург Я. Д.]. Александр Сергеевич Неверов. Воспоминания (1921–1923) // РГАЛИ. Ф. 337. Оп. 1. № 287. Л. 2.

¹⁶ В справочниках «Вся Москва» за 1920-е годы указано, что Локтев (как представитель «Коллектива писателей им. Неверова») проживал по адресу: Сытинский тупик, д. 1, кв. 59, а П. Яровой (наст. имя — Федот Емельянович Комаров) по адресу: Арбат, Староколюшенный переулок, д. 33, кв. 10.

¹⁷ Черномор Я. [Ганзбург Я. Д.]. Александр Сергеевич Неверов. Л. 1.

голода».) В одном из писем Неверова примечательна положительная характеристика личных качеств адресата: «К чести вашей нужно сказать, что вы очень добрый, чуткий на нищету писательскую, а если мне иногда и приходится говорить о гонорах, то ведь не я, нужда говорит, чтобы ей шею сломал. Я, если угодно знать, противник денег, ненавижу их и никогда бы не подумал о них, если бы у меня не была семья в пять человек».¹⁸ Весной того же года Ганзбург заболел туберкулезом и отправился на лечение в подмосковный санаторий — находясь в Москве проездом, он встречался с Неверовым на Пречистенском бульваре.

В воспоминаниях Ганзбурга был запечатлен и последний год жизни Неверова: «Помню последний год его жизни — двадцать третий. Зашел к нему, когда он жил уже с семьей на Староконюшенной.¹⁹ Застал его с Силычем (Новиковым-Прибоем) за чаркой вина. Была только одна чарка — и Неверов предложил: „Ну, друг, выпьем что ли... не побрезгуй, что одна...“. И налил. После беседы он повел меня в смежную комнату, отдельную, где он работал — взял новый экземпляр пьес, только что изданный „Красной новью“, и написал: „Дружески на память. А. Неверов. 12/VIII — 23. Москва“».²⁰

24 декабря 1923 года Неверов скончался — среди многочисленных очерков о жизни писателя на страницах различных изданий обнаруживаются и воспоминания Ганзбурга.²¹ В машинописной редакции очерка с авторской правкой от 21 декабря 1926 года было отмечено: «В последних днях декабря 1923 года я подъезжал ночью к Гомелю. В душном — третьеклассном вагоне было людно, грузно, накурено. Весь вечер я думал о том, что приездом в Москву я займусь возрождением литературного журнала „Рассвет“, который мной был основан в небольшом уездном городе Коврове, Владимирской губ., и затем под моей же редакцией был перенесен во Владимир, и в Москву. Среди многих моих сотрудников даровитых, был у меня на первом плане — Неверов. В этот вечер я почему-то особенно думал о Неверове, потому лишь, что считал его исключительным художником современности и по умению дать в коротких вещах — лицо жизни, живые вещи».²² В беллетризованных воспоминаниях Ганзбург признавался, что во время той поездки случайно узнал о смерти Неверова, заглянув в газету попутчика. За три последующих года, не без скепсиса констатировал Ганзбург, жизнь и творчество Неверова оказали услугу новому поколению издателей и критиков, которые зарабатывали на переиздании его произведений и создавали себе имя, комментируя его творчество.

Очерк Ганзбурга насыщен революционным пафосом — умершего писателя вслед за М. Горьким он называл «красным Чеховым», а также «верным сыном Октябрьской революции», который, как все честные писатели, прошел через дорогу мучений и нищеты. Лейтмотивом очерка является противопоставление бедности настоящих советских писателей и разжившихся авторов эпохи НЭПа. Смерть Неверова, по мысли автора очерка, должна была напомнить, что «пора писательской братии, всем верно понявшим заветы Октября, — совместным коллективным путем, отстаивать жизнь, свободную от всяких пут прошлой буржуазной марки и теперешней развращенной разлагающим НЭПом».²³ Указывал он и на то, что обращался к Неверову за помощью относительно литературного мастерства, однако, ознакомившись с творчеством Ганзбурга, сложно представить, что ему помогли советы более опытного литератора.

В 1925 году в Доме Герцена был открыт «Коллектив рабоче-крестьянских писателей им. А. С. Неверова» — в справочнике «Вся Москва» главная задача коллектива была сформулирована следующим образом: «...посредством литературно-художественного

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ В справочнике «Вся Москва» за 1920-е годы указан следующий адрес Неверова: Арбат, Староконюшенный переулок, д. 33, кв. 11.

²⁰ Черномор Я. [Ганзбург Я. Д.]. Александр Сергеевич Неверов. Л. 4.

²¹ Черномор Я. [Ганзбург Я. Д.]. Воспоминания об А. С. Неверове (1920–1923) // Наш труд: Сб. литературы, драмы и критики. Иваново-Вознесенск, 1924. № 2. С. 104–105; Ганзбург Я. Воспоминания об А. С. Неверове. С. 204–205.

²² Черномор Я. [Ганзбург Я. Д.]. Александр Сергеевич Неверов. Л. 1.

²³ Ганзбург Я. Воспоминания об А. С. Неверове. С. 205.

творчества пробуждать самосознание трудовых масс и способствовать переустройству быта на основе октябрьских завоеваний». Коллектив стремился объединить «всех писателей и поэтов, вышедших из рабочей или крестьянской среды».²⁴ Председателем правления значился Н. А. Афиногенов, его заместителем Н. П. Телешев, секретарем Е. Н. Локтев; последним в списке членов коллектива был указан Я. Ганзбург.²⁵ Примечательно, что к 1927 году «коллектив» сменил адрес (вместо Тверского бульвара, д. 25 — ул. Герцена, д. 6, кв. 77), а также своих руководителей: председателем числился Ф. Е. Комаров, секретарем — С. М. Минаев. Однако несмотря на всеобщее внимание к «красному Чехову», память писателя почтили по-разному: так, в ноябре 1925 года газета «Вечерняя Москва» в редакционной статье «Литературные суды» сообщала, что вдова писателя предъявила иск против ГИЗ за публикацию без ее ведома хрестоматии с несколькими произведениями А. Неверова (составителями были указаны Л. Гинзбург, Е. Сидоров, А. Шапиро, С. Шувалов).²⁶

Произведение, ставшее центральным в литературной судьбе Якова Ганзбурга — роман «Кусты и зайцы», первый и второй том которого были изданы в 1930 и 1931 годах в издательстве «Федерация» тиражом в 5000 экземпляров каждый. В центре сюжета романа — столкновение повседневной жизни еврейской общины с историческими событиями 1914–1918 годов: в произведении любовный и социальный конфликты переплетались с политическим и другими. Книга Ганзбурга и ее различные пласты могут стать предметом различных исследований, и из современных работ мы особо отметим статью В. Ю. Вьюгина, в рамках которой роман «Кусты и зайцы» был рассмотрен в контексте конспирологического нарратива русской литературы.²⁷

В переписке Ганзбурга с издательством «Федерация» прослеживаются некоторые обстоятельства работы над вторым и третьим томами романа. Так, в январе 1931 года писатель обратился в издательство с заявлением: «Ввиду нужды — прошу в счет второго тома „Кусты и зайцы“ уплатить мне причитающуюся сумму полностью. Нужда острая — невыплата не даст возможности закончить третий том. Прошу вас выдать мне в срочном порядке, так как я нахожусь в тяжелом положении и невыплата означенных денег приостановит и сорвет мою работу, которую я закончу в ближайший месяц».²⁸ В мае того же года Ганзбург сообщал главе издательства Г. М. Шульцу о том, что закончил вчерне третий том романа «Кусты и зайцы», обещал выправить книгу к августу и просил выслать аванс в размере 250 рублей, сообщая при этом: «У меня острейший туберкулез легких и я зверски голодаю. Надеюсь на удовлетворение моей просьбы. Рукопись сдам аккуратно, как и все предыдущие сдавал».²⁹ Вероятно, срок сдачи романа был продлен, поскольку 16 сентября 1932 года издательство рекомендовало автору поторопиться со сдачей материала.

В период 1929–1933 годов роман «Кусты и зайцы» проходил внутреннее рецензирование, о чем свидетельствуют рукописные отзывы С. Мстиславского, А. Тихонова и других литераторов — членов издательства.³⁰ Рецензии в основном носили отрицательный характер — произведение Ганзбурга критиковали за отсутствие связей между частями романа, явные хронологические провалы, слабость и невыразительность (за исключением нескольких эпизодов) сюжета. В меньшей степени критиковались художественно-выразительные средства — рецензенты, хоть и находили в различных эпизодах чрезмерность описаний, но к литературному языку претензий практически не предъявляли и видели в авторе беллетриста. Добавим, что в своих письмах Ганзбург неоднократно благодарил М. Горького и П. П. Крючкова за ока-

²⁴ Вся Москва. М., 1925. С. 395.

²⁵ В справочнике «Вся Москва» за 1925 год упоминается «ГАНЗБУРГ. Гоголевский бул., 25, кв. 19 (Коллект. писат. им. Неверова)» (Там же. С. 368).

²⁶ [Б. п.]. Литературные суды // Вечерняя Москва. 1925. 2 нояб. № 262. С. 3.

²⁷ Вьюгин В. Ю. Роман о зайцах и советский канон (Конспирологическая морфология периферийного текста) // Русская литература. 2015. № 4. С. 42–55.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 2. № 3. Л. 9.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Оп. 1. № 103. Л. 86–97.

занную ими помощь в издании первых двух томов романа и просил помочь с улучшением бытовых условий жизни (получением жилплощади) для работы над третьим томом.³¹

22 февраля 1934 года в «Литературной газете» была опубликована редакционная заметка «Литературное мошенничество», где сообщалось, что в 1930 году издательство «Федерация» не только опубликовало роман Ганзбурга, но и с большим участием отнеслось к молодому литератору: благодаря ходатайству Горкома писателей его материально-бытовое положение было улучшено.³² За последующие два года писатель опубликовал второй том романа и сдал в редакцию третий том, попутно Ганзбург добился предоставления ему комнаты в Москве, а также спецснабжения и различных пособий. Однако летом 1933 года в Горком писателей поступило заявление от литератора Иосафа Ариановича Любича-Кошурова о том, что автором всех трех частей романа «Кусты и зайцы» является он, а не Ганзбург. В заявлении сообщалось, что Ганзбург поручил ему написание романа и оплачивал эту работу мелкими суммами, а впоследствии присвоил себе авторское право. Горком рассмотрел заявление, осуществил проверку и признал авторство за потерпевшим, однако Ганзбург выступил с требованием проверки выводов Горкомитета, для чего была создана комиссия во главе с В. Кирпотиным, К. Горбуновым и Вс. Ивановым.

Протокол постановления специальной комиссии за подписью В. Кирпотина и К. Горбунова проливает свет на различные стороны скандала.³³ Согласно архивному документу, для рассмотрения дела комиссия получила в свое распоряжение часть рукописей первого и второго томов романа «Кусты и зайцы», черновики третьего тома, а также черновики пьесы «Дзержинский» и старые литературные произведения обоих писателей. В постановлении сообщалось, что в процессе первого допроса Ганзбург категорически настаивал на том, что все три тома романа были написаны им самим, а Любич-Кошуров отвечал исключительно за художественное редактирование. В протоколе подчеркивалось, что под термином «художественное редактирование» Ганзбург подразумевал обработку стиля, дорисовку образов, написание заново отдельных сцен и правку орфографии. Комиссия соопоставила текст рукописи первого тома романа с текстом первой изданной книги, а также сравнила стиль романа «Кусты и зайцы» с дореволюционной прозой Любича-Кошурова и установила, что рассказы последнего были включены во второй том романа.

Особое место в постановлении занимают сведения о перекрестном допросе обоих литераторов с целью выявления их знакомства с содержанием обоих томов книги «Кусты и зайцы», а также определения их культурного уровня. Комиссия определила, что рукописи Любича-Кошурова полностью вошли в текст первого тома, а рукописи Ганзбурга, напротив, практически не совпадают (за исключением отдельных выражений и внешней ситуации) с текстом книги. Во время рассмотрения дела было установлено, что Ганзбург не знал, что Любич-Кошуров вставил во второй том книги свои старые рассказы. Примечательно и то, что «автор» очень слабо разбирался в содержании «собственных» книг, а «культурный уровень Ганзбурга явно низок для художественного оформления материала, легшего в основу книги, чего опять-таки нельзя сказать о Любич-Кошурове».³⁴ Публикации Ганзбурга (очерки о Неверове, «Весенняя билья») были охарактеризованы комиссией как «кричащая безграмотность» и «литературно-беспомощные попытки». Обвиняемый не смог предоставить комиссии доказательств в пользу написания им третьего тома романа, а также пьес «Дзержинский» и «Фрунзе»,³⁵

³¹ Письмо Я. Ганзбурга к М. Горькому от 11 октября 1931 года (ИМЛИ. Архив А. М. Горького. КГ-П. № 19-2-3); Письмо Я. Ганзбурга к П. П. Крючкову от 9 сентября 1932 года (Там же. КК-РЛ. № 4-5-4).

³² [Б. п.]. Литературное мошенничество // Литературная газета. 1934. 22 фев. № 21. С. 4.

³³ Постановление Комиссии Оргкомитета по делу о присвоении Я. Д. Ганзбургом авторских прав на литературные труды И. А. Любич-Кошурова // РГАЛИ. Ф. 2196. Оп. 2. № 76. Л. 1–5.

³⁴ Там же. Л. 2.

³⁵ В письме к П. П. Крючкову от 20 сентября 1932 года (ИМЛИ. Архив А. М. Горького. КК-РЛ. № 4-5-5) Ганзбург сообщал, что рецензент Кирстен (из редакции «История Гражданской

в то время как Любич-Кошуров передал специалистам рукописи черновиков этих произведений.³⁶

Уже во время работы комиссии Ганзбург признался в том, что «художественное редактирование» всех томов романа принадлежало Любичу-Кошурову, а также в том, что, вступая в договор с издательством, он умышленно не сообщил о соавторстве и не указал второй фамилии на титуле книги. Материальная сторона договора между писателями также не была выполнена полностью: Ганзбург сначала уверял специалистов в том, что полностью выплатил Любичу-Кошурову причитающийся гонорар, но впоследствии признал, что не доплатил тысячу рублей. Особо примечательным для комиссии было и то, что Ганзбург оказывал психологическое давление на писателя. Под влиянием свидетельских показаний Ганзбург сообщил, что, заведомо зная о смерти сына Любича-Кошурова, обращался с заявлениями к авторитетным работникам ЦКК РКИ с просьбой предоставить информацию относительно обстоятельств смерти.³⁷ Свидетели единогласно подтвердили факты запугивания Любича-Кошурова (упоминалось об умышленном афишировании Ганзбургом своих «высоких связей»).

В заключении комиссии, помимо установленного факта мошенничества, сообщалось, что Ганзбург (оказавшийся сыном лесопромышленника) на протяжении ряда лет пытался использовать литературу в явно корыстных и авантюристических целях. Подчеркнем, в выводах комиссии прослеживается определенный идеологический пафос, что было характерно накануне Первого съезда советских писателей: о Ганзбурге сообщалось, что, «столкнувшись со старым литератором Любич-Кошуровым, он путем использования его слабости, материальной нужды, аполитичности, полной самоизоляции от советской общественности, а также путем запугивания и прямого шантажа, возмутительно, по-кулацки эксплуатировал его труд. Это могло случиться только на почве беспринципных, враждебных советским писателям взглядов на литературу со стороны Ганзбурга».³⁸

Часть вины была возложена и на потерпевшую сторону — Любич-Кошуров признавался, что допустил крупную ошибку, дав возможность «беспринципному авантюристу» поставить себя в положение сочинителя, механически поставляющего частному заказчику литературные произведения. Однако причины этого «прозревший» Любич-Кошуров находил не в том, что после революции его произведения перестали печататься, а сам он испытывал серьезные материальные трудности, а в том, что «недооценивал значение советской литературы, как могучего орудия идеологического воздействия на общественность, что перед разбором дела и особенно во время разбора в нем произошел большой переворот в смысле пересмотра своих взглядов на советскую литературу и деятельность писателя и он докажет это последующей своей литературной работой».³⁹ Следующим произведением Любича-Кошурова должен был стать роман «Вальпургиева ночь». Две главы романа и его тематическая схема показывают, что книга должна была отразить кризис германского общества 1930-х годов на примере судьбы художника Отто Кирхера, решившего стать «кюхельманом» («человек-кружка»), т. е. продавать свою кровь и внутренние органы за еду.⁴⁰

Скандалную историю романа «Кусты и зайцы» Любич-Кошуров отразил в недатированном письме к известному библиографу И. Ф. Масанову: «Писать начал в дет-

войны») дал положительный отзыв на его пьесу «Фрунзе» и выразил мнение, что она может быть приемлема для МХАТа. Ганзбург просил П. П. Крючкова помочь с продвижением пьесы на сцену.

³⁶ В статье Е. Бермонта «На ту же скамью» (Вечерняя Москва. 1934. 5 марта. № 3131. С. 1) сообщалось, что написанную Любичем-Кошуровым пьесу «Фрунзе» впоследствии переделывал писатель Лугин, а публиковаться она должна была под именами Соломона Бройде и Якова Ганзбурга.

³⁷ В качестве свидетелей в тексте постановления были указаны Лукашевич, Иванов, Шебуев, Добржинский.

³⁸ Постановление Комиссии Оргкомитета по делу о присвоении Я. Д. Ганзбургом авторских прав... Л. 5.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Любич-Кошуров И. А. Вальпургиева ночь. Роман (1934) // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. № 6961. Л. 1.*

ском возрасте, печататься — с 17 лет, сначала в провинции, затем в Москве, где первые годы работал в сатирических журналах и в журналах для детей. После революции, испытывая остро-материальную нужду, написал по предложению Я. Д. Ганзбурга роман „Кусты и зайцы“ в 3-х частях, две части коего (1 и 2) вышли под фамилией Ганзбурга. Кроме того, Любичем-Кошуровым для Ганзбурга были написаны 3 пьесы и повесть. В 1933–1934 гг. решением Мосгоркома и Оргкома писателей, а затем постановлением Верх<овного> Суда Любич-Кошуров был восстановлен в авторских правах». ⁴¹

4 марта 1934 года в «Литературной газете» была помещена заметка «Дело Я. Ганзбурга», сообщавшая о том, что в рамках выездной сессии московского горсуда под председательством С. В. Ястржембского началось слушание дела по обвинению писателя Ганзбурга в литературном мошенничестве: «В качестве эксперта по делу выделен Иванов Вс., привлечены 16 свидетелей. Общественный обвинитель — т. Зорин (Оргкомитет), защищает Ганзбурга т. Зорохович». ⁴² Слушание дела проходило в Оргкомитете ССП СССР. Уже на следующий день в «Вечерней Москве» был опубликован судебный очерк Е. Бермонта «Человек со статьей», в котором были изложены характер и результаты судебного разбирательства, их можно рассматривать как дополнение к уже изложенному нами заключению специальной комиссии. Несмотря на то, что ранее сообщалось об инстанциях, в которых числился Ганзбург, и публикациях его произведений, на суде обвиняемый уклончиво отвечал на вопросы о своей деятельности в период с 1923 по 1930 год: «Я создавал культурные ценности <...> Скитался. Служил в лесной конторе. А потом перешел в литературу. Мне тогда одну статью дали <...> уголовную. Из кодекса». ⁴³ В газете сообщалось, что, планируя устроить литературную карьеру, Яков Давидович обратился за помощью к литератору Лукашевичу — последний давал уроки начинающему писателю, однако, резюмировал Е. Бермонт: «Одно дело — издать роман, когда умеешь писать. Это всякий Бальзак умеет. А вот попробуй издать его, когда писать не умеешь! Тут-то надо быть Ганзбургом». ⁴⁴ Автор статьи упоминал и о договоре с Любичем-Кошуровым, и об успехе первого тома романа «Кусты и зайцы» (в достаточно саркастичном тоне Бермонт подмечал, что знатоки литературы из столовой Дома Герцена увидели в романе талант юного дарования — настоящему автору было 63 года), и об ускорении работы над вторым и третьим томом романа с помощью системы театральных эффектов — таинственных телефонных звонков, писем и преследователей. ⁴⁵

В заключении статьи о «литературном вечере», на котором открылось, что автор, «написавший» роман-трилогию, не успел его прочитать, Бермонт находил, что показательный суд был излишней мерой, поскольку безграмотный некультурный «сухаревец» Ганзбург не имел ничего общего с настоящими литераторами и портил репутацию

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 317. Оп. 1. № 228. Л. 1.

⁴² [Б. п.]. Дело Я. Ганзбурга // Литературная газета. 1934. 4 марта. № 26. С. 4.

⁴³ Бермонт Е. Человек со статьей // Вечерняя Москва. 1934. 5 марта. № 53. С. 1. В письме к М. Горькому от 15 июня 1929 года (ИМЛИ. Архив А. М. Горького. КГ-П. № 19-2-1) Ганзбург сообщал, что с 1912 года начал работать на лесопильных заводах на Волге. Благодаря сохранившимся письмам Ганзбурга к П. П. Крючкову (Там же. КК-РЛ. № 4-5-1, 4-5-2) и Е. П. Пешковой (Там же. ФЕП-КР. № 18-34-1), известно, что с зимы 1930 до весны 1931 года писатель был под арестом в Козьмодемьянске и Йошкар-Оле — ему было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности и вредительстве. Исходя из дальнейшей переписки Ганзбурга с Крючковым (Там же. КК-РЛ. № 4-5-3, 4-5-4), можно сделать вывод, что в июне 1931 года писатель находился на свободе.

⁴⁴ Бермонт Е. Человек со статьей. С. 1.

⁴⁵ Отметим, что сатирический образ столовой Дома Герцена достаточно часто фигурирует в отечественной прессе. В сентябре 1930 года в «Литературной газете» были представлены карикатуры, высмеивающие процесс «смычки» в столовой Дома Герцена. Критиковалось заведение и по другим причинам: через год в той же газете (редакционная статья «Почему вас плохо кормят в столовой ВССП») сообщалось, что заведующий столовой Я. Розенталь был снят с должности за многочисленные нарушения (антисанитарные условия, отсутствие контроля со стороны хозяйственной комиссии), в том числе и за коммерциализацию столовой, обитателями которой оказывались не только писатели ([Б. п.]. Дела не по масштабу // Литературная газета. 1930. 24 сент. № 43. С. 3).

всей советской литературы. Точка зрения Бермонта подверглась критике в статье «Дело „биллектриста“ Ганзбурга», опубликованной в «Литературной газете» 8 марта 1934 года. Автор статьи отвечал предшественнику: «Тов. Бермонт неправ. Эксплуатация человека человеком, конечно, не является характерной для взаимоотношений советских писателей. Но нельзя забывать о том, что если в деле Ганзбурга обвиняемый был один, то виновных можно насчитать больше», — последних автор статьи обнаруживал в составе различных писательских организаций, способствовавших вхождению в литературу подозрительных личностей, тянувшихся не к искусству, а к материальным благам (квартирам, путевкам в дома отдыха и т. д.).⁴⁶ Д. Кальм сообщал о самом показательном произведении обвиняемого — его анкете в Горкоме писателей, где в графе профессионального статуса значилось авторское определение «биллектрист». Сообщалось в статье и о том, что в отношении литературного скандала советский суд вынес следующее решение: Любич-Кошуров получил 5000 рублей и авторские права на роман «Кусты и зайцы», а Я. Ганзбург — два года лишения свободы. Уже после оглашенного приговора в «Литературной газете» (от 10 марта 1934 года) на последней полосе была помещена карикатура «После процесса или краткая история о литературном зайце (Карьера Ганзбурга)», состоявшая из двух частей: на первой был изображен трамвай с советской символикой и надписью «Литература», на прицепе которого ехал ухмыляющийся заяц, на второй части — все тот же заяц находился под конвоем милиционера.

Впоследствии в парижской газете «Возрождение» была опубликована статья (по авторскому определению, в жанре «советского этюда») «Кусты и зайцы», которая представляла собой перепечатку упомянутой статьи Бермонта с немногочисленными комментариями — советская литература язвительно оценивалась сквозь призму литературного скандала: «Теперь, после славы советского писателя Ганзбурга, с его „социалистическим реализмом“, только по случайности не объявленного даже за рубежом новым советским „достижением“, может казаться, что в советской литературе немало таких двойников. С виду „кусты“, а в кустах несчастные „зайцы“».⁴⁷

Нам не удалось обнаружить сведений о дальнейшей судьбе Якова Давидовича Ганзбурга. На соответствующий запрос Центральный архив МВД России (ответ № 3/167716067151 от 29 декабря 2016 года) и Центральный архив ФСБ России (ответ № 10/А-Н-4440 от 21 ноября 2016 года) ответили, что документальными материалами о применении политической репрессии, аресте, судимости, нахождении в местах лишения свободы, в ссылке, высылке и другими данными относительно биографии Якова Ганзбурга не располагают — значит, вопрос остается открытым.

⁴⁶ Кальм Д. Дело «биллектриста» Ганзбурга // Литературная газета. 1934. 8 марта. № 28. С. 4.

⁴⁷ И. Л. Кусты и зайцы // Возрождение (Париж). 1934. 19 марта. № 3211. С. 2.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-1-170-178

БЕН, ТАТА И КИКА: ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ БЕНЕДИКТА ЛИВШИЦА

(ПУБЛИКАЦИЯ © П. М. НЕРЛЕРА)

Поэт Бенедикт Лившиц и начинающая балерина Екатерина Скачкова-Гуриновская познакомились зимой 1920 года в Киеве. Катины подружки — Люба Козинцева, Соня Вишневецкая и Надя Хазина — занимались живописью у А. А. Экстер, она же выбрала стезю балерины и записалась в класс Б. Ф. Нижинской, сестры знаменитого танцовщика, актрисы Маринского театра, а затем дягилевской труппы. На вечерние репетиции нередко приходили люди искусства, в том числе и Лившиц. Там-то он и увидел Катю, которой тогда еще не было и девятнадцати лет...